

Mélanges asiatiques
tirés du
Bulletin de l'Académie Impériale des sciences
de
St.-Petersbourg.

Tome XI.
(1895 - 1901.)

St.-Petersbourg, 1901.

Краткій отчетъ о путешествіи Д. Клеменца по Монголіи за 1894 годъ.

(Доложено въ засѣданіи историко-филологическаго отдѣленія 7 декабря 1894).

Прибывъ 16-го сего сентября въ Ургу, спѣшу сообщить краткія свѣдѣнія о ходѣ и результатахъ работъ текущаго года.

21-го апрѣля я выѣхалъ на китайскихъ почтовыхъ въ Ургу. Путь этотъ, какъ и раньше, я старался проѣхать возможно скорѣе; но тощѣ во время весенней голодовки монгольскіе кони, отвыкшіе отъ возки кптайскихъ экипажей, дотащили насъ только къ 24-му въ Ургу. Здѣсь, благодаря гостепріимству нашего генеральнаго консула, было уже заготовлено для насъ помѣщеніе и мы съ полнымъ удобствомъ дождались прихода нашихъ верблюдовъ, нанятыхъ на Хара-голѣ у ургинскаго чиновника Собдо-Зайсана, доканчивая наше снаряженіе.

4-го мая экспедиція выступила въ слѣдующемъ составѣ: я съ женою, двое моихъ рабочихъ, кяхтинскихъ мѣщанъ Богодаева и Наквасина, и присоединившійся на свой счетъ къ экспедиціи купеческій сынъ И. А. Лумниковъ съ запаснымъ унтеръ-офицеромъ Протопоповымъ, уже участвовавшимъ въ третей экспедиціи Пржевальскаго и въ Тибетской экспедиціи полковника Пѣвцова.

Желя избѣжать странствованія по Улясутайско-Ургинскому тракту, весьма не интересному въ археологическомъ отношеніи и знакомому всѣмъ участникамъ Орхонской экспедиціи, я направился по правому берегу Толы, рассчитывая потомъ пройти новой дорогой, степью, на Угэй-норь.

Несмотря на май, погода стояла крайне холодная, почки на тальпикахъ еще не развертывались, черемуха только начинала разпиваться, почки позеленѣли, но листь нигдѣ еще не развертывался. Всю дорогу, вплоть до Хуре-навань-церенъ-гуна, откуда Тола заворачиваетъ къ сѣверо-западу, насъ преслѣдовали снѣжныя бури, а на глухихъ протокахъ Толы лежалъ нетронутый ледъ, свободно выдерживавшій тяжесть человека. Въ геологическомъ отношеніи мѣстность эта крайне однообразна: полное преобладаніе метаморфическихъ сланцевъ съ СВ—ЮЗ простираніемъ; о нѣкоторыхъ особенностяхъ мѣстности въ геологическомъ отношеніи я нахожу неумѣст-

нымъ здѣсь распространяться, такъ какъ это — второстепенная задача моей экспедиціи.

Въ общемъ можно считать рѣку Толу за мѣстность очень богатую памятниками. Уже 6-го мая, верстахъ въ 5 отъ горы Хунделень, на лѣвомъ берегу Толы, мы встрѣтили остатки каютогъ, сооруженія, состоящаго изъ землянаго вала и высокой земляной платформы въ серединѣ. На этой платформѣ нашель я двѣ изломанныя плиты — одна изъ нихъ очевидно съ разрушенной тукюэсской могилы, другая съ остатками изображенія какого-то буддійскаго бурхана — видны скрещенныя ноги, часть головы и благословляющая правая рука. Мѣстные жители называютъ эти развалины Хятать-хуре. Керексуры и отдѣльныя маленькія каменные могилы попадались нерѣдко; но первый сколько нибудь значительный могильникъ встрѣтился верстахъ въ 75 отъ Урги, въ мѣстности *Хурай-ама*. Здѣсь въ широкой поперечной долинѣ встрѣтили мы 17 каменныхъ могилъ а, въ сторонѣ отъ нихъ, тукюэсскую могилу съ каменной бабой, но совершенно разрушенной. Это было 9-го мая; дальше въ теченіи полудневнаго перехода попалось намъ 50 керексуровъ, расположенныхъ въ трехъ группахъ или могильникахъ. На слѣдующій день, 10-го мая, верстахъ въ 90 отъ Урги, на высокомъ берегу Толы, между долинами *Шанганъ-ама* и *Джиргаланту-ама* встрѣтили мы снова большую, тукюэсскую могилу съ цѣлой аллеей камней и обставленную съ юго-восточной стороны каменными бабами: всѣхъ камней, со слѣдами обдѣлки, оказалось 10 штукъ.

Далѣе до Наванъ-церень-гунъ-хуре намъ хотя и встрѣчалось не мало керексуровъ и каменныхъ могилъ, но перечисленіе ихъ откладываю до послышки дневника.

Съ Наванъ-церень-гунъ-хуре начались злключенія экспедиціи. Въ Хуренѣ заболѣлъ рабочій, монголъ; пришлось оставить его и устроить. Это было 11-го мая, а ночью съ 13-го на 14-е насъ ограбилъ. Мои личные потери были не велики, но одинъ изъ моихъ рабочихъ, Богодаевъ, лишился платья и дорожныхъ вещей, такъ что мнѣ пришлось одѣвать и обувать его, а, что всего чувствительнѣе, — мы лишились лучшаго верблюда и лошади. Часть вещей была вполнѣдствіи найдена въ Ургѣ стараніями консульства и китайской полиціи, но лишеніе верблюда и лошади неизбежно должно было стѣснить экспедицію и сократить наши разъѣзды въ сторону.

Отъ Толы повертели мы прямо на западъ широкой, сухой и безводной долиной Цилинь-ама — мнѣ хотѣлось прямо пройти боковымъ трактомъ на Угэй-норъ, но мѣстные жители увѣрили меня — и я убѣдился въ справедливости этого вполнѣдствіи —, что боковые тракты всѣ выходятъ на большой, не доходя до Угэй-нора. Мы прошли степью на станцію *Чинг-Тологой*. На этомъ пути, какъ я уже писалъ раньше, повредилъ я себѣ ногу; она

задержала меня на три дня на Угэй-порѣ; по потомъ, благодаря ли *vis medicatrix naturae* или стараніямъ монгольскихъ костоправовъ, 27-го мая, я могъ уже снова ѣхать верхомъ.

Не могу не сказать двухъ словъ о монгольскихъ костоправахъ. Меня удивило, что всѣ они, безъ всякаго предварительнаго соглашенія между собой, поставили одинаковый діагнозъ: вывиха не нашель ни одинъ, всѣ утверждали только, что у меня ушибъ, «порвано мясо» и сухая жила не на мѣстѣ (хурай сурбусунъ). Пользовали они меня всѣ исключительно массажемъ и прикладывавали компрессы изъ холоднаго чая съ солью. Я охотно о давалъ имъ себя въ распоряженіе, такъ какъ массажъ, по моимъ соображеніямъ, могъ быть только полезенъ, а чай конечно не могъ принести ни пользы, ни вреда. Дорога отъ Чинъ-Тологой до Угэй-нора, благодаря болѣзни, мѣшавшей дѣлать что либо, была не изъ пріятныхъ. Я былъ очень радъ тому, что такой случай произошелъ уже въ мѣстности, осматрѣнной ранѣе, и я, все равно, постарался бы ее пройти поскорѣе.

Находка писанныхъ краскою руническихъ надписей на верхнемъ Хойту-Тамирѣ обязывала меня прослѣдить эту рѣку. Молчаніе М. В. Пѣвцова объ археологическихъ памятникахъ въ этой мѣстности не могло служить порукою, что ихъ нѣтъ, такъ какъ этотъ путешественникъ по Монголіи, да и всѣ остальные, кромѣ гг. Потанина, Адрианова и Дубровы, упоминають о нихъ крайне рѣдко. Конечно, покойный нашъ сотоварищъ Николай Михайловичъ Ядринцевъ, какъ путешественникъ-археологъ, въ этотъ счетъ не идетъ.

На Хойту-Тамирѣ обращаютъ на себя вниманіе городища, подобныя *Талджинъ-чоло* между Орхономъ и Бургултаемъ. Ихъ четыре. Одно находится верстахъ въ 50 отъ Талджинъ-чоло, другія три всѣ вмѣстѣ въ одной долинѣ, верстахъ въ 40-ка. Это — громадныя квадратныя валы съ плоскою насыпью въ серединѣ замкнутаго пространства. Слѣдовъ кирпичной кладки, черепицы, обожженной глины не видно нигдѣ. Какихъ либо опорныхъ пунктовъ для опредѣленія эпохи сооруженія здѣсь гораздо меньше, нежели на *Талджинъ-чоло*, а ихъ и тамъ не много. Не будучи ни знаткомъ исторіи Азіи, ни ориенталистомъ, я не считаю себя вправѣ дѣлать какія либо гипотезы; но факты сами по себѣ говорятъ, что въ этомъ углу, между Орхономъ и Тамирами, съ давнихъ поръ сосредоточивались массы народа, и народа кочевого или полукочевого. Такіе тѣсно населенные пункты несомнѣнны съ нормальными условіями кочевой жизни. Уйгурскій Каракорумъ и монгольскій Каракорумъ были вызваны къ жизни народами, уже разбогатѣвшими отъ удачныхъ войнъ, вкусившими отъ вершешекъ культуры. Эти же сооруженія, должно быть, служили для сосредоточенія войскъ во время столкновеній восточной Монголіи съ западной. Въ этомъ смыслѣ

Талджинъ-чоло и четыре Тамирскихъ городища построены на удачныхъ мѣстахъ: они закрываютъ открытыя и плодородныя долины обонхъ Тамировъ и Орхона отъ наступленія непріятеля съ сѣверовостока.

Кромѣ каменныхъ могилъ на Хойту-Тамирѣ встрѣтились три тукюэскихъ, съ узорными плитами, съ каменными бабами; между послѣдними заслуживаетъ вниманія пестукангъ съ посохомъ въ рукахъ. Раньше такихъ миѣ ни въ Монголіи, ни въ Сибири встрѣчать не случалось. Я уже сообщалъ, что въ нынѣшнемъ году снялъ надпись на утесѣ Тахуръ-чоло, до которой не могъ добраться въ прошломъ году за недостаткомъ подъемныхъ приспособленій. Эта надпись — единственная, которую пришлось снять въ текущемъ году. Въ остальныхъ случаяхъ всѣ свѣдѣнія о «Бичикте-чоло» по повѣркѣ не оправдывались.

Верстахъ въ 30, выше Тахуръ-чоло, пройдя довольно обширное поселеніе *Сандынъ-Ванъ-Гунъ-хуре*, мы покинули большой Улясутайскій трактъ, имѣя въ виду вывершить Хайту-Тамиръ и перейти тамъ черезъ Хангай. Здѣсь каждый нашъ шагъ представлялъ новость для топографіи Хангая. Мѣстность эта нанесена на карту у М. В. Пѣвцова по распроснымъ свѣдѣніямъ и потому, весьма естественно, не можетъ отличаться такою полнотою и точностью на картѣ, какую мы привыкли видѣть въ маршрутахъ этого путешественника. Выше Сандыбъ-Ванъ-Гунъ-хуре, Хойту-Тамиръ слагается изъ трехъ рѣчекъ — *Дондо-Тамиръ*, *Цаганъ-голо* и *Чулутей-булукъ*. Мы шли по Дондо-Тамиру въ виду покрытыхъ снѣгомъ Хангайскихъ гольцовъ. Я дѣлалъ экскурсіи по сторонамъ въ боковыя долины и пади и имѣлъ случай наблюдать здѣсь громадное развитіе потоковъ базальта; но верхнія точки нагорья состояли не изъ лавы, а изъ метаморфическихъ сланцевъ, смѣнявшихъ слюдистый гнейсъ. Преобладаетъ эта порода отъ Сандыбъ-Ванъ-Гунъ-хуре до раздѣленія Дондо-Тамира на двѣ вершины — Дондо-Тамиръ и Заманъ-чоло; въ вершинѣ послѣдняго проходитъ дорога черезъ Заманъ-дабанъ на южный склонъ Хангая. Переваль представляетъ обширное высокое плоскогорье, съ котораго берутъ начало притоки Ологоя (Наринъ-голо) и Байдарика. Я не вычислялъ своихъ барометрическихъ наблюденій, но, по растительности, исключительно альпійской, по обилію стараго снѣга на вершинахъ, полагаю, что переваль не менѣе 8½ тысячъ футовъ. За переваломъ мы спустились въ Ухюгынъ-голь (это названіе рѣки, вѣроятно, и дало поводъ назвать горы въ этой мѣстности Укэкъ-дабанъ). На этой рѣчкѣ начали попадаться намъ керексуры и каменные могилы. Они довели насъ до *Далай-гунъ-хуре*, находящейся верстахъ въ 8 отъ почтовой станціи Ологой на трактѣ *Саиръ-усу-Улясутай*.

Отсюда я дѣлалъ поѣздки на золотые привіски, разрабатываемые, тайкомъ отъ властей, монголами. Розсыпи очень мелки и носятъ на себѣ всѣ

признаки новѣйшихъ рѣчныхъ отложений. Я собралъ здѣсь коллекціи горныхъ породъ, образцы отложений въ росыпи и приобрѣлъ 30 доль золота, которое я буду имѣть честь предсавить, при свидѣтельствѣ консула, въ Императорскую Академію Наукъ. О росыпяхъ этихъ будетъ подробно сказано въ отчетѣ; теперь же замѣчу, что несмотря на недостатокъ воды и строевого лѣса, несмотря на то, что площади золотоносныя не отличаются обширностью, росыпи эти могли бы служить хорошимъ подспорьемъ для разореннаго поборами населенія Далайгуновскаго хошуна. Нѣкоторыя простыя усовершенствованія, въ родѣ введенія ручныхъ вашгердовъ, гдѣ можно сибирскихъ американокъ, даже просто хорошихъ кайлъ и лопатъ, много облегчили бы работу золотопромышленниковъ, но всему мѣшаетъ оффиціальныи взглядъ на горныя работы, какъ на нѣчто преступное. Золото все почти скунается китагскими кунцами, вымѣнивается на товаръ и съѣстные принасы, которые они же и доставляютъ работающимъ въ безлюдныхъ горахъ монголамъ.

Съ Ологоя я прошелъ на станцію Байдарикъ, рассчитывая спуститься внизъ по рѣкѣ до того мѣста, гдѣ г. Пѣвцовъ нашелъ развалины какого-то китайскаго города. Идти внизъ по берегамъ Байдарика оказалось невозможнымъ, благодаря приторамъ и утесамъ, обрамляющимъ рѣку. Нашелся вожакъ, который взялся обвести насъ стороною къ казеннымъ пашнямъ на Байдарикѣ, около которыхъ, какъ я зналъ изъ книги г. Пѣвцова, и долженъ находиться разрушенный городъ. Путь былъ кружной, но, зато, пролегалъ по совершенно неизвѣстной мѣстности и давалъ мнѣ возможность прослѣдить постепенный склонъ Хангая и убѣдиться по могиламъ, насколько было велико населеніе въ древности въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ большихъ рѣкъ.

Мѣстность между Байдарикомъ и Ологоемъ, особенно къ югу отъ перваго притока, Ута, представляетъ сухую горную страну, весьма скудно орошаемую. Здѣсь въ этомъ междурѣчьи населеніе очень рѣдкое и керексуровъ очень немного, дорогъ почти не существуетъ; но китайскихъ торговцевъ шныряетъ не мало. Причина же заключается въ томъ, что здѣсь южные склоны Хангая по всѣмъ признакамъ должны быть чрезвычайно богаты золотомъ. По берегу Байдарика видны слѣды золотопромывныхъ работъ. Между Байдарикомъ и Наринъ-голомъ, въ совершенно сухой, бесплодной мѣстности, мы встрѣтили стѣнь, состоящую изъ обнаженіи слоистаго охристаго кварца съ рѣдкими прослойками слюдо-глинистаго сланца. Стѣнь эта, иначе не могу ее назвать, тянется версты на двѣ съ сѣвера на югъ и версты на пять съ востока на западъ. На востокѣ выходы кварца прикрыты новѣйшими отложениями долины озеръ, т. е. того узкаго рукава Гобии, который лежитъ между Гобійскимъ Алтаемъ и Хангаемъ.

Развалины на Байдарикѣ очень похожи на развалины Боро-хото на

Тувинь-голѣ: два квадрата, обнесенныхъ развалившеея глиняною стѣною, съ воротами въ южной, восточной и западной стѣнахъ и остатками фундаментовъ зданій внутри. Зданія были вытянуты въ рядъ, улицами, пересѣкаетъ ихъ широкой проспектъ съ сѣвера на югъ. Между остатками фундаментовъ много черепковъ битой китайской посуды самоновѣйшихъ образцовъ. Мѣстные жители утверждаютъ, будто это—развалины стараго Улясутая; то же говорили они и М. В. Пѣвцову, да и пр. Поздигѣевъ, въ своемъ этюдѣ: «Города сѣверо-западной Монголіи», упоминаетъ, что Улясутай одно время былъ на Байдарикѣ. Во всякомъ случаѣ, никакого сходства между этими развалинами и болѣе древними остатками поселеній, нынѣ извѣстныхъ въ Монголіи, нѣтъ.

Съ Байдарика я прошелъ стѣною на Дзанхынъ. Путь мой представлялъ небольшую варьяцію маршрута М. В. Пѣвцова.

Мнѣ было необходимо пройти въ Улясутай, чтобы запастись припасами для дальнѣйшей экспедиціи. Я выбралъ дорогу между Дзанхынъномъ (прямо вверхъ по Дзанхыну дороги нѣтъ) и дорогою Г. Н. Потанина. Путь лежалъ главнымъ образомъ по землямъ шабнарровъ Нарвалчинъ-гегена. Сообщали мнѣ, что по этой дорогѣ встрѣтятся *бичиктс-хомо-чоло*. Хомо-чоло нашлись, но безъ всякихъ бичиктъ. Въ геологическомъ отношеніи мѣстность интересна потому, что здѣсь кое-гдѣ попадаются остатки новѣйшихъ гобійскихъ отложений. Шабнарское населеніе крайне бѣдно. Очевидно, раззорилось оно благодаря тому, что не было своего управленія за непоявленіемъ хубилгана. Теперь этотъ хубилганъ есть, сынъ какого-то китайца; но отецъ не соглашается отдать его въ распоряженіе ламъ дешевле, какъ за 30,000 ламъ, а пока деньги не выплачены, онъ держитъ перерожденца при себѣ. Я видѣлъ его въ Улясутаѣ — это 12-лѣтній мальчикъ, очень откормленный и, по словамъ нашихъ соотечественниковъ, до нельзя избалованный и испорченный ребенокъ. Прежде онъ являлся къ русскимъ, играть съ дѣтми; но послѣдніи много терпѣли отъ его грубости и русскіе теперь его къ себѣ не пускаютъ. Я видѣлъ этого мальчугана разгуливающимъ по улицамъ Улясутая верхомъ на синѣй какого-то ламы. Пѣшкомъ онъ не ходитъ, и это обычный способъ путешествія Его Перерожденства. На этотъ случай при мнѣ не было фотографическаго аппарата и я до сихъ поръ жалѣю, что не увѣковѣчилъ этой назидательной сцены.

О самомъ Улясутаѣ я не стану говорить здѣсь. Будущая экспедиція будетъ имѣть отпавнымъ пунктомъ Улясутай и я познакомлюсь съ нимъ поближе. Я пробылъ въ немъ три дня, сколько было необходимо для закупокъ, починки сбруи,ковки лошадей и т. п.

Въ русско-монгольской торговлѣ съ прошлаго года возникла новал

отрасль, которая общается съдѣлаться одною изъ главныхъ, если только дѣлу будетъ оказано надлежащее содѣйствіе. Съ прошлаго года Улясутайскіе купцы стали вывозить въ Россію овечью шерсть. Первый опытъ оказался удачнымъ, а именно въ смыслѣ вывоза мягкой шерсти. Теперь купцы сдѣлали запасы шерсти въ большемъ количествѣ, занялись очисткой и перемывкой ея на самодѣльныхъ снарядахъ. Усердія и доброй воли у нихъ много, но дѣло новое — они еще не приучились сортировать шерсть и промывные снаряды ихъ очень громоздки, неэкономны и несовершенны. На монгольскомъ солищѣ шерсть отбѣливается отлично и въ этомъ отношеніи можетъ не бояться конкуренціи. Я собралъ достаточно свѣдѣній объ этой отрасли торговли, какъ у русскихъ, такъ и у китайцевъ, и намѣренъ изложить этотъ вопросъ особо, такъ какъ онъ представляетъ значительный общій интересъ. вмѣсто торговли шкурами сурковъ, сбытъ которыхъ не можетъ значительно расширяться (кромѣ того, кое-гдѣ даже и въ Монголіи принимаются мѣры противъ безнощаднаго петребленія этихъ полезныхъ животныхъ), кромѣ убойнаго скота, имѣющаго одинъ рынокъ — Иркутскъ, теперь выступаетъ на сцену новый продуктъ, обещающій болѣе широкое распространеніе. Онъ до сихъ поръ мало былъ извѣстенъ на рынкахъ во первыхъ потому, что въ Россіи смѣшивали монгольскую шерсть съ киргизскою, гораздо болѣе грубою, а во вторыхъ ее вывозили очень мало изъ Улясутая; изъ Кобдо нѣсколько больше, но все-таки мало. Шерсть много теряла въ своихъ достоинствахъ, благодаря поздней стрижкѣ; въ третьихъ — Улясутайскіе купцы — люди съ небольшими средствами и рискнуть затратой на новый продуктъ, съ цѣлью введенія его на рынокъ, не имѣли возможности. Китайцы давно уже закупаютъ монгольскую шерсть и сбываютъ ее въ Кукухото и Калганѣ. Нѣкоторые китайскіе торговцы прямо таки закупаютъ шерсть, по заказамъ западно-европейскихъ фирмъ.

Изъ Улясутая я направился вышъ по рѣчкѣ Буляяковъ (Улясутай на нашихъ картахъ) и потомъ по Дзанхыну. Верстахъ въ 30 отъ Улясутая я встрѣтилъ небольшія развалины довольно древней постройки изъ сланцевыхъ плитъ. О ней, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не упоминается у русскихъ изслѣдователей: мѣстные жители называли эти развалины — Хучингсумэ и никакихъ преданій о немъ не знаютъ. Утверждаютъ только, будто развалины эти такими были съ незапамятныхъ временъ и только. По виду и устройству онѣ больше всего напоминаютъ найденныя мною и тоже неизвѣстныя до послѣдняго времени развалины на нижнемъ Орхонѣ.

Улясутай и Дзанхынъ не оправдали моихъ надеждъ на обиліе археологическихъ памятниковъ; кромѣ двухъ-трехъ каменныхъ могилъ и небольшого количества керексуровъ, здѣсь ничего не найдено. Западный склонъ Хангая, оказывается, былъ гораздо менѣе населенъ, нежелъ восточный.

Съ Дзанхына я прошелъ къ ставкѣ Дзасакту-хана и, переваливъ черезъ Тайширь, произвелъ развѣдки между цѣбиями горъ сѣвернаго и южнаго Гобійскаго Алтая. Самый южный пунктъ нашихъ странствованій была ставка Джономъ (нынѣ Юндукъ-бэйсы). Забираться южнѣе, въ Гоби, не входило въ мою программу, такъ какъ не было никакихъ свѣдѣній или намековъ, указывающихъ на вѣроятность найти тамъ цѣнные археологическіе памятники.

Мѣстность между Алтайскими хребтами представляетъ широкую горную долину, кое-гдѣ съ остатками размытыхъ горныхъ хребтовъ. Горы состоятъ изъ древнѣйшихъ осадочныхъ и метаморфическихъ породъ съ преобладаніемъ восточно-западнаго простиранія и крутымъ паденіемъ къ сѣверу. На склонахъ горъ и въ долинѣ мощно развиты новѣйшія отложенія. Къ востоку отъ хребта Тайширь горы абсолютно безлѣсны, только на восточной вѣтви Алтая, Арцы-Богдо, понадается, по словамъ мѣстныхъ жителей, можжевельникъ (арцы-модо). Мѣстность мало орошена: рѣчки и рѣчки, стекающія съ южнаго склона сѣвернаго Алтая, исчезаютъ въ долинѣ; колдцевъ также не много, но могло бы быть гораздо больше. Среди новѣйшихъ отложеній преобладаютъ красныя плотныя глины: онѣ превосходно задерживаютъ влагу, а Алтай, какъ ни бѣденъ водою — весь запасъ ея отдаетъ долинѣ. Ключи и ручейки большею частью заросли кочками и покрыты зыбуномъ. Благодаря послѣднему, вѣроятно и сохраняется въ ключахъ вода во время засухи. Зыбунъ, какъ мокрый компрессъ, прикрываетъ водные источники, уменьшаетъ нагрѣваніе почвы и задерживаетъ испареніе. Населеніе здѣсь рѣдкое, но не бѣдное; главное занятіе — разведеніе верблюдовъ. Число послѣднихъ часто равняется числу овецъ. Населеніе — чистокровныя монголы-ханхайцы. У нихъ, какъ и у обитателей южной Гоби, одно только отличіе въ костюмѣ отъ сѣверныхъ собратій — бѣлая, круглая, мерлушковая шапочка. Покрой ея такой-же, какъ на сѣверѣ, только овчина бѣлая, а не черная.

Керексуры встрѣчаются здѣсь очень часто въ мѣстахъ, гдѣ по близости имѣются ручьи. Каменныхъ могилъ съ высокими вертикальными плитами пашель я между ставкой Дзасакту-хана и Арцы-Богдо *три*. Самый замѣчательный археологическій памятникъ, встрѣченный мною здѣсь — развалины города. Онъ находится верстахъ въ 50 отъ Суджи на рѣчкѣ Цаганъ-голь, впадающей въ рѣчку Легинъ-голь (Легъ)*. Городъ расположенъ на южномъ склонѣ холмовъ на сѣверномъ берегу Цаганъ-голь. Сохранились остатки 8-ми зданій, разбросанныхъ по холмамъ. Зданія всѣ очень не велики, состояли по большей части изъ двухъ комнатъ; только въ одномъ

*) Считаю нужнымъ замѣтить здѣсь, что эта мѣстность впервые осмотрѣна мною. Раньше здѣсь не бывало путешественниковъ и потому на картахъ нанесена она довольно неудовлетворительно.

Ист.-Физ. стр. 56.

найлены слѣды 4-хъ отдѣленій. Матеріаломъ для постройки служили глина, дикій камень и отчасти кирпичъ. Кирпичъ слабо обожженъ, по большей части квадратный, громаднхъ размѣровъ, такъ что подобныхъ до сихъ поръ не встрѣчалось ни въ однѣхъ развалинахъ. Объ этомъ городѣ никакихъ преданій нѣтъ, а называется онъ Эберхенъ-балгасунъ. Мѣстность эта одна изъ благопріятнѣйшихъ для поселенія въ Гобійскомъ Алтай: кромѣ Цаганъ-гола масса ручьевъ стекаетъ въ эту рѣчку съ хребта Ихти-Богдо. Теперь въ этихъ ручьяхъ заведены казенныя пашни Ламынъ-гегена, къ хошуну котораго эта мѣстность принадлежитъ.

Къ востоку я прошелъ по долинѣ Алтая до того мѣста, гдѣ съ хребтомъ Бага-Богдо сочленяется хребетъ Арцы-Богдо, или до западныхъ предѣловъ Галбынъ-Гоби г. Пржевальскаго. Слово «сочленяется» употреблено мною здѣсь неправильно. Арцы и Бага-богдо не составляютъ непрерывнаго хребта. Бага-богдо оканчивается высокимъ склономъ на востокъ, а съ юга подходит къ нему хребетъ Арцы-богдо. Между двумя хребтами высокая продольная долина. Упомянувъ о двухъ параллельныхъ почти хребтахъ Гобійскаго Алтая, я говорю такъ только для краткости, въ сущности же убѣдился въ томъ, что весь Алтай состоитъ изъ ряда параллельныхъ гребней разной высоты, раздѣленныхъ высокими долинами. Къ югу отъ той точки, гдѣ къ Бага-богдо подходитъ съ юга Арцы-Богдо, разстилается степь Галбынъ-Гоби, уходящая далеко на востокъ. На этой степи невольно обращаетъ на себя вниманіе уединенный, высокій утесъ *Хатунъ-сутулъ* (сѣдалище госпожи); эта Хатунъ, по словамъ преданія, жена Чингисхана. Она, беременная, сопровождала мужа во время одного изъ походовъ его и здѣсь, въ степи, разрѣшилась отъ бремени. На этомъ мѣстѣ и выросъ громадный утесъ послѣ этого знаменательнаго событія. Такіе одинокіе или вообще чѣмъ либо замѣтные утесы всегда привлекаютъ вниманіе монголовъ. На нихъ ставятъ обоны, пишутъ мани и т. д. Естественно было предположить, что тутъ скорѣе всего встрѣтишь интересную надпись, могилу или что-либо подобное. Оставивъ караванъ съ женой и однимъ рабочимъ, я сдѣлалъ поѣздку къ Хатунъ-сутулъ. Отъ нашей дороги она оказалась верстахъ въ 30, такъ что намъ потомъ стоило не мало труда догнать свой караванъ. Утесъ оказался изъ столбчатаго базальта; кромѣ большого толгоя около него оказались три маленькихъ утеса; видъ съ него превосходный — весь Арцы-Богдо и три высокіхъ пика восточнѣе его (Гурбунъ-сайханъ) и восточное продолженіе ихъ, вѣроятно хребетъ Хурхе, можно было рассмотреть отчетливо; но кромѣ 10 керексуровъ у сѣверозападнаго подножія утеса и обона на вершинѣ его, самые тщательные поиски не открыли ничего. Съемочные, эстампажные инструменты и на этотъ разъ негдѣ было пустить въ ходъ.

Я пересѣкъ Гобійскій Алтай съ сѣвера на югъ по восточному отрогу Бага-Богдо и рассчитывалъ выйти на озеро Цаганъ-цегень-пуръ, чтобы подняться вверхъ по Аргуинъ-голу; но оказалось, что озеро существуетъ только во время большихъ ливней, а отъ Аргуинъ-гола здѣсь одно сухое русло. Чтобы добраться сюда, намъ пришлось сдѣлать 70 верстъ по сухой степи, прежде нежели мы достигли до перваго колодца, и верстъ 15 еще отъ него къ сѣверу до Аргуинъ-гола, небольшой рѣчки, которая обозначена такою важною рѣкою на нашихъ картахъ.

Съ Аргуинъ-гола я перешелъ на р. Гориду и слѣдовалъ по ней до вершины. На этой рѣкѣ много керексуровъ, что и заставило меня внимательно нѣе осмотрѣть ее. Съ *Гориды* я прошелъ на р. *Шабарту-голз*. Здѣсь открылась третья составляющая рѣчки Аргуинъ-голъ — *Муринъ-голз*, но она соединяется съ Шабарту-голою въ дождливые годы. На вершинѣ Муринъ-гола, по сообщеніямъ монголовъ, есть писанный утесъ: это заставило меня прослѣдить всю рѣчку. Она чрезвычайно богата керексурами и каменными могилами; здѣсь-же нашелъ я одну тукюэсскую могилу и двѣ каменныхъ бабы. Что касается до «писаннаго утеса», то на немъ оказалось только манн по тибетски и въ монгольской транскрипціи. Съ Муринъ-гола мы прошли черезъ Бичикте-Уссанъ-дабанъ на Манти-булукъ, гдѣ въ прошломъ году снимали эстампажъ съ открытаго покойнымъ Н. М. Ядринцевымъ камня, и оттуда въ ставку Сайнъ-Нонона.

Вѣсти о писанномъ камнѣ въ вершинѣ Онгина дали мнѣ поводъ сначала добраться до вершинъ этой рѣчки, а потомъ пересѣкъ Хангай отъ Онгина до Туинъ-гола. Поѣздка по Хангаю составила предметъ отдѣльной летучей экскурсіи въ составѣ 4-хъ человекъ. Она мнѣ дала много матеріала для выясненія распредѣленія новѣйшихъ изверженныхъ породъ въ Хангаѣ. Я здѣсь встрѣтилъ цѣлый рядъ озеръ въ наглухо замкнутой базальтовой котловинѣ, которую не прочь бы признать за старый кратеръ. Вообще, сопоставляя прошлогоднія и нынѣшнія наблюденія, я прихожу къ заключенію, что въ южномъ Хангаѣ нѣкогда была такая энергичная вулканическая дѣятельность, которой до сихъ поръ не подозрѣвали. Въ письмѣ отъ 3-го сентября, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что оконченной экскурсіи, я сообщалъ уже въ академію объ оленныхъ камняхъ, найденныхъ въ высокихъ долинахъ, и о керексурахъ. Доказываютъ же эти находки, что и самыя высокія горы были населены.

4-го сентября я отправился въ обратный путь черезъ отрогъ восточнаго Хангая между Өгиномъ и Орхономъ. На Орхонъ я вышелъ въ 50 верстахъ выше Эрденя-цзу и прошелъ къ нему кружнымъ путемъ чрезъ монастырь *Барунъ-хуре*. Идти по Орхону послѣ осмотра его капитаномъ Щеголевымъ, Левиннымъ и Дудиннымъ мнѣ показалось нецѣлесообраз-

нымъ. Обиліе каменныхъ могилъ въ долині верхняго Орхона вѣроятно было замѣчено и имп; но, кажется, имп не былъ упомянуть интересный фактъ нахождения выбитыхъ рисунковъ на плитахъ. Впрочемъ и я нашелъ только одинъ такой примѣръ: на широкой плитѣ выбиты грубыя изображенія пляшущихъ фигуръ съ высоко поднятыми палицами въ правой рукѣ. Лѣвая у всѣхъ согнута въ локтѣ и уперта въ бокъ. Сцены подобнаго характера весьма нерѣдко встрѣчаются на плитахъ минусинскихъ могилъ.

Изъ Эрдени-цзу выѣхалъ я 9-го сентября. Описывать эту мѣстность, столь хорошо извѣстную, нѣтъ надобности. Я прошелъ черезъ Кукшинг-Орхонъ на рѣчку Тарану, которая въ нижнемъ теченіи называется Харухой. Я рассчитывалъ, что поиски по этой рѣкѣ займутъ у меня времени съ недѣлю; но оказалось, что на ней дѣлать нечего. Кромѣ кое-какихъ керексуровъ здѣсь ничего найдено не было. Съ Тараны, по правому берегу которой идетъ гранитный хребетъ Хугунъ-Тарана, я прошелъ прямымъ путемъ на хуре Чилинь-дорджи. Такимъ образомъ теперь пространство, оставшаеся на картѣ бѣлымъ пятномъ, достаточно заполнено: маршрутъ покойнаго Ядринцева отъ Влчикте-уланъ-хада къ Эрдени-цзу захватилъ это бѣлое пятно въ южной его половинѣ, мой прошлагодній маршрутъ съ Онгина на Бичикте-уланъ-хада коснулся восточной полосы, маршрутъ нынѣшняго года проложенъ по сѣверной сторонѣ. Отъ Чилинь-дорджи-хуре я прошелъ на сѣверо-востокъ, минуя станцію Чинь-тологой, къ колодцу Моринъ-тологой на Улясутайскомъ трактѣ. Здѣсь пересѣкъ я свой весенній маршрутъ съ Толы на Чинь-тологой. Далѣе тутъ медлить было уже незачѣмъ и я 16-го сентября былъ въ Ургѣ.

Консулъ далъ намъ небольшое помѣщеніе; съ 18 сентября мы водворились здѣсь и принялись за работу.

Въ общемъ результатъ археологическихъ наблюденій нельзя не признать довольно скудными. Самымъ интереснымъ фактомъ я считаю открытіе развалинъ поселенія за Алтаемъ. Смутныя свѣдѣнія объ этихъ развалинахъ имѣются уже у Потанина; но тамъ онѣ приурочиваются къ Арцы-Богдо, тогда какъ на дѣлѣ остатки эти находятся между Ихы и Бага-Богдо. Можно сказать только, что теперь Хангай, Орхонъ, Селенга съ притоками и мѣстность, лежащая на сѣверѣ между бассейнами Селенги и Енисея, достаточно изучены въ археологическомъ отношеніи и детальное, послѣдующее изученіе прибавитъ къ нимъ немного. Гобійскій Алтай также, можно считать доказаннымъ, населенъ былъ строителями керексуровъ; но здѣсь была сравнительно небольшая колонія этого народа. Однимъ изъ главнѣйшихъ центровъ его былъ Хангай. Сравнивая между собою керексуры и каменные могилы, невольно приходишь къ тому выводу, что первые, какъ по числу, такъ и по разнообразію формъ здѣсь преобладаютъ всюду. Мно-

гочисленность этих кургановъ-керексуровъ, переходы отъ простой щебневой кучи до замысловатыхъ, узорчатыхъ могилъ съ громадными щебневыми конусами какъ бы указываютъ, что здѣсь народъ этотъ жилъ очень долго и выработалъ данную форму погребальныхъ памятниковъ очень старательно. Формы каменныхъ могилъ несравненно однообразнѣе и проще; здѣсь нѣтъ многихъ типовъ, извѣстныхъ на сѣверѣ, въ Сибири. Наши туюзскія могилы съ узорчатыми плитами и каменными бабами отличаются только тщательностью отдѣлки отъ простыхъ. Каменные бабы здѣшнія въ общемъ гораздо тщательнѣе отдѣланы, нежели сибирскія. Приходитъ на мысль, такъ сказать, провизорная гипотеза, — каменные могилы, какъ типъ погребенія, были занесены сюда съ сѣвера и здѣсь получили дальнѣйшее развитіе, но только въ извѣстныхъ типахъ. Это, какъ мнѣ кажется, влѣгается и съ тою мыслью, что родина первоначальной культуры турецкихъ историческихъ племенъ — страна между истоками Чернаго Иртыша и системою Енисея.

Послѣ тѣхъ открытій и громадныхъ вкладовъ, которые сдѣланы Императорской Академіей Наукъ въ исторію Тюркскихъ племенъ въ центральной Азіи, мнѣ кажется, нельзя уже отступаться отъ этой задачи. Необходимо добыть матеріалъ для исторіи культуры этихъ племенъ, необходимо освѣтить матеріалъ, добытый чтеніемъ надписей и раскопками. Я знаю, что теперь, когда идетъ война между Китаемъ и Японіей, моментъ для поднятія подобнаго вопроса довольно неблагоприятенъ; но изученіе керексуровъ и каменныхъ могилъ можетъ быть съ успѣхомъ начато и въ нашихъ предѣлахъ. При наличности обширнаго матеріала, добытаго въ Россіи, нѣсколько могилъ, вскрытыхъ на Толѣ, Хойту-Тамирѣ и Орхонѣ, выяснять многое.

Побочные результаты экспедиціи текущаго года отчасти уже намѣчены маршрутомъ. Знакомыя съ изслѣдованіями Монголіи лица замѣтятъ, что я тщательно избѣгалъ мѣстностей, уже ранѣе посѣщенныхъ путешественниками. Маршрутно-глазомѣрная съемка велась въ 10-верстномъ масштабѣ и съ боковыми экскурсіями охватываетъ районъ около 2½ тысячъ верстъ. Метеорологическія наблюденія производились при помощи 2-хъ паръ термометровъ и одного термометра minimum (последній впрочемъ разбился дорогой). Давленіе воздуха опредѣлялось при помощи anerоида Гольдсмита, а послѣдній контролировался термо-барометромъ. Геологическія коллекціи собирались весьма тщательно. Въ текущемъ году собрано болѣе 300 №№, что даетъ около 400 отдѣльныхъ образцовъ.

Переваль чрезъ Хойту-Тамиръ, экскурсія отъ вершинъ Онгина къ Туингъ-голу и съ Онгина на Орхонъ даютъ три новыхъ пересѣченія Хангая. Путь по Дзанхъну и чрезъ Алтай пересѣкаетъ западные склоны Хан-

гая и Гобійскій Алтай. Путешествіе вдоль Алтайскихъ хребтовъ дало возможность собрать матеріалы для сужденія о новѣйшихъ морскихъ отложеніяхъ въ этой мѣстности. Эти данныя и матеріалы для изученія новѣйшихъ вулканическихъ образованій въ Монголіи, въ Хангаѣ и Гобійскомъ Алтайѣ я считаю наиболее интересными геологическими результатами поѣздки текущаго года. Здѣсь считаю нужнымъ исправить прошлогоднюю ошибку. Въ прошлогоднемъ отчетѣ я разсматривалъ долину озеръ за остатокъ громаднаго внутренняго бассейна. Теперь же, ознакомившись съ новѣйшими отложеніями по обѣимъ сторонамъ Алтая, я долженъ признать ее частью громаднаго Гобійскаго моря.

Фотографическія работы я, къ сожалѣнію, не могъ вести въ тѣхъ размѣрахъ, какъ было желательно, такъ какъ кассета для съемки на пленку испортилась на дорогѣ. Это тѣмъ болѣе неприятно, что мѣстность, которую я осматривалъ въ текущемъ году, я вѣроятно уже не увижу болѣе до конца жизни, и врядъ-ли скоро осмотритъ ее другой путешественникъ. Успѣхъ работъ путешественника подверженъ цѣлому ряду случайностей; онъ и такъ постоянно бываетъ вынужденъ ограничивать свои планы, умѣрять свою пылкость. Фотографическіе снимки нынѣшняго года ограничиваются десятью дюжками пластинокъ.

Этнографическія наблюденія ограничиваются замѣтками о внѣшнемъ бытѣ. Для болѣе подробнаго изученія мнѣ не доставало знанія языка, а равно и времени.

Ботаническія коллекціи для ботаническаго сада составляли заботу моея жены. Собрано ею около 3000 экземпляровъ растеній и около сотни образцовъ семянъ. Ей же принадлежитъ небольшой сборъ гадовъ и жесткокрылыхъ, которыхъ она будетъ имѣть честь представить въ распоряженіе Императорской Академіи Наукъ.

Таковы результаты работъ лѣтняго сезона текущаго года. Зима будетъ посвящена подготовкѣ матеріаловъ къ отправкѣ и занятіямъ монгольскимъ языкомъ.

Планъ будущихъ работъ теперь можетъ быть изложенъ только въ общихъ чертахъ. Изъ Урги я намѣренъ раннею весною и возможно скорѣе перебраться въ Улясутай и избрать его за отправной пунктъ экспедиціи. Первоначальное направленіе пути будетъ зависѣть прежде всего отъ состоянія весеннихъ кормовъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Желательно было бы направиться предварительно на юго-западъ и осмотрѣть по пути Хасактухаирханъ. Названіе этого хребта, не изслѣдованнаго еще ни однимъ путешественникомъ, наводитъ на мысль, что тамъ когда-то жили киргизы. Затѣмъ, минуя Кобдо, предполагается пройти на Урунгу и потомъ осмотрѣть притоки Хара-Ирциса, и перебраться въ Кобдо. Обширность Алтая, необ-

274 Д. КЛЕМЕНЦЪ, КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ О ПУТЕШЕСТВІИ Д. КЛЕМЕНЦА ПО МОНГОЛІИ.

ходимость осмотрѣть его подробнѣе потребуетъ вѣроятно какого-нибудь опорнаго пункта, изъ котораго придется дѣлать круговыя экскурсіи. Такими пунктами мнѣ представляются сначала Кобдо, потомъ Уланкомъ. Изъ Уланкома мнѣ необходимо будетъ пройти въ Урянхай, такъ какъ тамъ имѣются камни еще неснятые. Необходимо также пройти по Улясутайско-Урянхайскому тракту, такъ какъ тамъ, по слухамъ, имѣются развалины около Цзурскаго хараула. Дальнѣйшій маршрутъ опредѣлится тѣмъ, гдѣ экспедиція будетъ зимовать. Если въ Улясутаѣ, то тогда я съ Цзурскаго хараула пройду вдоль хребта Ханъ-хухей до Уланкома, затѣмъ, оставляя въ сторонѣ большой трактъ, медленно передвинусь къ Улясутаю, осмотрю озера и постепенно ознакомлюсь съ археологіею этой мѣстности. Около Улясутая я сдѣлаю до зимы нѣсколько экскурсій. Въ случаѣ зимовки въ Кобдо я дойду до Улясутая, затѣмъ въ ставку Лагуна, оттуда на Ханхухей до Уланкома и оттуда спущусь къ Киргизъ-нору, пополюю бѣлыя мѣста и пройду не на востокъ, а на западъ къ Кобдо. Провести и вторую зиму въ Ургѣ, какъ я думалъ первоначально, едва-ли удастся и наконецъ нынѣшняя зима укажетъ, насколько производительно будетъ пребываніе здѣсь и какія преимущества здѣшняя зимовка представила-бы передъ другими.

Представляю все вышесказанное на усмотрѣніе Академіи

Дмитрій Клеменцъ.

Урга, 28 сентября 1894 года.

